

ГРИГОРИЙ ШАРГОРОДСКИЙ

ВИДОК

НЕЖИВАЯ ЛЕГЕНДА

Григорий Константинович Шаргородский

Видок. Неживая легенда

Серия «Видок», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42769432

*Видок. Неживая легенда: Фантастический роман: Альфа-книга;
ISBN 978-5-9922-2880-9*

Аннотация

Юноша с душой старика из другого мира, титулярный советник Игнат Дормидонтович Силаев, возможно, и мечтал бы о тихой жизни провинциального видока, но ни его характер, ни род деятельности этого не предусматривают. Да и не совсем добрая слава охотника на оборотней, маньяков и драконов из венценосных семейств слишком уж привлекает постороннее внимание. Так что близкого знакомства с сильными мира сего Игнату не избежать, а это может стать проблемой. И всему виной его талант влипать в неприятности, а также строптивость, чрезмерная для номинального уроженца вольнодумного Новгорода.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Григорий Шаргородский

Видок. Неживая легенда

Пролог

Умытые осенним дождем булыжники мостовой глухо откликались на удары подкованных сапог. Звук шагов пугливо выпрыгивал из-под ног идущего в полумраке человека и невнятным эхом расплескивался на стенах домов неширокого переулка. Ищущий приключений мужчина упивался редкими для него чувствами – ощущением интриги и свободы, сдобренным щепоткой страха. Липкая паутина навязчивого контроля прислуги и вездесущей охраны порой душила похлеще рабского ошейника, и вот так вырваться на свежий, хоть и немного пованивающий, воздух было очень волнительно.

В Новомосковске улицы уже две с половиной сотни лет как утратили свою новизну, но все равно это был другой мир. Мир, не похожий на Старую Москву так же, как потрепанная, но все еще задорная уличная танцовщица отличалась от дородной купчихи – заживевшей, ленивой и еще больше распухшей от собственной спеси. Подобная заразе чопорность потихоньку охватывала центральные новомосковские кварталы возле Зимнего дворца, окруженного надменными оби-

талищами высшей знати. Но здесь, на окраине Новой Москвы, все еще чувствовался щекочущий нервы дух авантюризма, который привил дряхлеющему городу Андрей Второй, по заслугам прозванный Великим.

Тихий проулок, в который мужчина вошел минуту назад, нервно сжав рукоять спрятанного под плащом револьвера, являлся неким мостом между шумной Перчинкой и одним из самых колоритных и мрачных мест всего района. Через три десятка метров мостовая уперлась в мощные двери, на которых под зарешеченным окошком висел бронзовый молоточек.

Лихая решимость мужчины на мгновение дрогнула, но повторное прикосновение к рукояти оружия вернуло ему смелость. Бронзовый молоток зловеще ударил в металлическую пластину, и практически сразу отворилось забранное толстой решеткой окошко. За дверью царил мрак, и в нем неестественно ярко выделялись белки глаз стража входа в мир запретных наслаждений.

Как рассказывали знакомые искателя приключений, здесь не требовалось ни паролей, ни условных знаков – хватало свернутого в трубочку сторублевого кредитного билета.

Массивная дверь тут же открылась, и мужчина с удивлением посмотрел на монументальную фигуру стража. Это был здоровенный двухметровый африканец. Дети жаркого континента не были в Москве такой уж редкостью, особенно после странного мезальянса дядюшки нынешнего императора.

Любимый и оттого дико разбалованный младший сыночек Игоря Третьего имел неумемную страсть к экзотике и путешествиям. Чего он только не привозил из своих странствий в подарок родне. Но больше всего этот авантюрист «порадовал» семью, подарив им новую родственницу – зулусскую принцессу. Из списка престолонаследников эту чету конечно же вычеркнули, но изгонять из страны не стали, так же как и полсотни воинов, которыми снабдил свою дочь заботливый папаша.

Вот, говорят, пошла потеха в высшем свете столицы – не раз и не два повивальная бабка приносила счастливому отцу вместо беленького ребеночка темненький сюрприз.

Так что мулатов в городе хватало, а вот настолько черные африканцы встречались реже.

– Прошу, господин, – без малейшего акцента пророкотал страж двери и с поклоном сделал приглашающий жест.

Он даже не попытался обыскать посетителя, и это еще больше взбудоражило нервы мужчины. Ну, вот он и здесь – в самом запретном месте столицы. Каждый, кто проходил сквозь массивную дверь, самым этим фактом показывал, что отбрасывает все моральные и этические устои. Те, кто решил прийти сюда, могли делать друг с другом все что угодно. Пассивную или активную роль каждый выбирал сам.

Искатель приключений двигался по извилистому коридору, который и являлся сердцем Темного Лабиринта. Везде царил полумрак. Казалось, что Лабиринт был совершенно

безлюден. Это потому что движение здесь проходило только в одном направлении. Иногда в коридоре появлялись ответвления с тупичками. Некоторые из них пустовали – за раздвинутыми шторами виднелись комнатки с широкой кроватью. Именно здесь посетитель должен был сделать свой выбор. Он либо шел дальше в поисках занятого кем-то тупика или же становился перед занавеской, тем самым сообщая всем о своей готовности повиноваться любому капризу возжелавшего его тела странника.

Пассивная роль не прельщала мужчину, поэтому он пошел вперед. В следующем тупичке, в тусклом свете свечи он увидел прислонившуюся к стенке фигуру. Незнакомка тут же приняла соблазнительную позу и призывно улыбалась, но довольно опытный взгляд сразу определил, что это отнюдь не знакомка, а незнакомец в женском платье и с толстым слоем косметики на лице.

Начало приключения не впечатляло, но, по слухам, Лабиринт был огромным, и все самое интересное ждало его впереди.

Увы, следующие десять минут ничего утешительного не принесли, разве что чуть развеяли скуку. Кто только не попадался в тупичках – от старух до относительно юных мальчиков. Избалованного обществом развязных танцовщиц мужчину все это начало утомлять.

Но вот в коротком отрезке очередного тупика он увидел женщину. Она не выставляла напоказ свое тело и была одета

в закрытое серое платье. Мало того, серая же вуаль скрывала ее лицо. В неверном свете свечи можно было угадать лишь очертания. Именно этот таинственный флер и заинтересовал мужчину. Он ощутил сильное желание. В том, что это не чары, можно было не сомневаться – у его семьи хватало денег на мощные амулеты защиты.

Он сделал шаг вперед, а женщина тут же шагнула назад, тем самым увлекая его внутрь небольшой комнаты с кроватью. Мужчина даже не почувствовал, как тяжелые портьеры сошлись за его спиной. Ему очень хотелось поднять вуаль незнакомки.

Наконец-то искатель приключений сделал это и задохнулся от восторга. Его губы расплзлись в блаженной улыбке...

С этой улыбкой на лице он и был найден под утро уборщиками Лабиринта. Еще через полчаса на место происшествия явился околоточный надзиратель и следователь полицейской управы Турецкого квартала.

– Ну и зачем ты, Осип Терентьевич, притащил меня сюда? – все еще пытаюсь стряхнуть с себя сонливость, спросил следователь. – Это же не первый труп в Лабиринте и точно не последний.

Спал он сегодня всего пару часов, так что настроение имел не самое благодушное.

– Так это, вашбродь, – покаянно вздохнул околоточный, – уж больно ухоженный господин, хоть и выглядит словно его год не кормили. Вот я и решил перестраховаться.

Следователь с недовольством перевел взгляд на жертву, и тут же раздражение вместе с остатками сонливости куда-то подевались, а по спине пробежался неприятный холодок. И все потому, что он узнал неестественно изможденное лицо мужчины, как и перстень на безымянном пальце трупа.

Околоточный, увидев реакцию следователя, тут же напугался:

– Все так плохо?

– Намного хуже, чем ты даже можешь себе представлять.

Следователь говорил чистую правду, потому что перед ним на кровати, раскинув руки, аки птица в последнем полете, со счастливой улыбкой на лице лежал наследник одного из сильнейших родов империи. При этом парень был явно высушен кем-то посерьезнее простых упырей, которых в Москве начисто вывели еще в правление Николая Первого, прозванного Белым именно за фанатичную ненависть к разной нечисти.

Заниматься расследованием такого дела не пожелаешь и злейшему врагу, не то что самому себе. А ведь придется.

Часть первая

Глава 1

Не скажу, что так уж люблю осень. Скорее даже наоборот – я немного недолюбливаю это время года. Но должен признать, что определенное очарование именно в топинской осени все же есть. И причиной тому – близость Стылой Топи. Единственное место Силы в Российской империи вообще сильно влияло на все, что находилось рядом, – на окрестные леса, город Топинск с его слегка провинциальными жителями, да и на меня самого. За последний год этот город кардинально изменил того, кого окружающие считали титулярным советником, видоком Игнатом Дормидонтовичем Силаевым. Почему считали? Да потому что все не так уж просто. У меня действительно тело юного видока, закончившего специальную школу при Новгородской энергетической академии. Но закавыка в том, что внутри этого тела живет душа немало прожившего и изрядно потрепанного человека совсем из другой реальности. В моем родном мире нет магии, по улицам не бродят оборотни, а если зайти поглубже в лес, скорее столкнешься с незаконной свалкой, чем с лешим.

В общем, изменений в моей жизни за последний год столько, что впору засаливать. Вот даже научился находить

очарование в осени. Впрочем, местная осень не чета той, которая уныло прозябает на городских улицах мегаполисов моего родного мира. Да и вдали от тамошних городов, в совсем не голландских деревнях в это время года царит лишь извечная грязь, слякоть и полное отсутствие оптимизма.

А вот в аккуратном Топинске все по-другому. Конечно, грязи и здесь хватает, особенно на окраинах, но городское собрание все уверенней распускает щупальца дорог с булыжной мостовой в центре и усыпанных гравием на окраинах. Оный гравий и шелестел сейчас под шинами моего паромобиля. Да, я наконец-то обзавелся нормальной машиной, давно позабыв о том гибриде катафалка со «скорой помощью», который угробил на болотах Владыка Топи.

Жуткая была история. До сих пор в дрожь бросает.

Внешне мой паромобиль был похож на спидстер модели 1932 года от компании Оберн. Не то чтобы я был ярым автолюбителем, но уже в зрелом возрасте увидел миниатюрную модель этого авто и влюбился. И только теперь у меня выдалась возможность воплотить в металле свои фантазии. Правда, полной аутентичности не получилось – двух мест мне было маловато. Да и внешне аппарат вышел эдаким стимпанковским аналогом знаменитого спидстера – слишком много угловатых обводов и заклепок. Наша мастерская по-прежнему оставалась лишь мелким сборочным предприятием и на большее замахнуться не могла. Но судя по тому, как возбудились местные богатеи и наш партнер, юрист Дава, конеч-

ный результат понравился не только мне.

На данный момент пик ажиотажа вокруг автоновинок уже прошел, и сейчас я направлялся на испытание того, что должно вызвать еще одну волну интереса к нашим механическим мастерским. Причем этот интерес скорее возникнет не у купцов и уездных чиновников, а у шатунов, которые на свой страх и риск ходят в Стылую Топь за всякими «вкусняшками».

Они тащат в Топинск как стволы деревьев, выросшие в месте Силы, так и железы магически измененных животных. Да и различная целебная трава уходит купцам за немалую цену. Есть, конечно, отдельные любители протащить в город пыльцу дурман-цветка, которую в столице называют опиумной, но этим хитроvanам приходится иметь дело со мной. Не скажу, что я здесь гроза всех наркоторговцев, но благодаря дурной славе и наличию за спиной сильного оборотня некие опасения шатуны по моему поводу все же испытывают.

В центр Топинска я заезжать не стал, так что движение по мостовой было не очень долгим, и уже через десяток минут шины паромобиля опять зашелестели по гравию.

Еще через полчаса по бокам авто поползли здания Портовой слободы. Именно здесь по причине близости воды мы и организовали нашу вторую мастерскую. Это был простой лодочный сарай, куда с основной базы завозились уже готовые узлы для окончательной сборки.

Портовая слобода вытянулась вдоль извилистого русла ре-

ки с не очень-то оригинальным названием Стылая. Как такового порта здесь не было, потому что ни один пароход к Топинску не доберется при всем своем желании. Именно поэтому для развития энергетической промышленности к месту Силы пришлось тянуть железнодорожную ветку вдоль русла Иртыша и впадающей в него Стылой.

В общем, вместо большого порта вдоль берега вытянулись склады и небольшие причалы для весельных лодок – этот транспорт пользовался наибольшей популярностью именно у шатунов. Вот сию тенденцию мы и собирались порушить.

Паромобиль остановился у открытых ворот большого сарая. С противоположной стороны прямоугольное здание имело еще одни ворота, снабженные опускающимся в воду стапелем.

Оставив авто у ворот, я прихватил с собой увесистую сумку и вошел внутрь помещения. Все участники предстоящего действия были уже на месте. Боря с нашим старшим мастером что-то подкручивали у правого поплавка катамарана. Дава с Лехой, который отпрашился в присутственный день с работы, рылись в корзинах, явно намереваясь начать пикник прямо здесь. Еще двое рабочих стояли у наклонной части стапеля в ожидании конца последних приготовлений.

– Всем привет! – поздоровался я и увидел, как Дава отсалютовал мне выуженной из корзины бутылкой.

Вот зараза!

– Все нормально? – спросил я, подойдя к технической ча-

сти нашей компании.

– Да, – ответил старший мастер нашей фирмы, носивший гордую фамилию Моськин. – Пара болтов от вибрации разошлась. Поставил контргайку, но посматривать все одно стоит. Борис Олегович знает куда смотреть, так что на вашу прогулку по болоту должно хватить.

– Очень на это надеюсь, – не особо обрадованно проворчал я и тут же внутренне одернул себя.

Нужно что-то делать с зарождающейся фобией – после встречи с Владыкой Топи в болота меня тянуло все меньше и меньше. Так что в качестве профилактики на совмещенные с пикником испытания я решил идти именно туда. Но волевое решение пока никак не отразилось на внутренних ощущениях.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, я отошел на пару шагов назад и окинул наше детище оценивающим взглядом. Катер покоился на двух клепаных корпусах из листового металла. Верхняя часть катамарана представляла собой расширенный и измененный салон паромобиля на пять посадочных мест, имевший возможность демонтажа крыши, что превращало его в плавающий кабриолет. Точнее, почти летающий. На корме находилась конструкция из гнутых прутков, главной функцией которой являлось недопущение внутрь даже самого придурковатого пользователя, закрывая ему доступ к лопастям дирижабельного пропеллера. Паровая установка, находившаяся под сей конструкцией, давала, пожа-

луй, даже избыточную мощность.

Чтобы до зимы закончить с этой красотой, пришлось оставить сборку нашего четвертого паромобиля. Из-за спешки получилось немного угловато, зато в лучших традициях стимпанка – эклектично и даже brutally.

Я не успел отобрать у Давы бутылку, и тут наш мастер сообщил об окончании подготовки аэрокатера к испытаниям. Рабочие быстро спустили судно на воду и с помощью канатов подвели к деревянному причалу.

– Господа, прошу на борт, – сделал я приглашающий жест, после того как сменил котелок на шлем аэронавта с ветрозащитными очками.

Дава снял с себя модный цилиндр и с сомнением посмотрел на него. Затем перевел взгляд на мою одежду, которая состояла из легкой матерчатой куртки и «ушастых» галифе.

– А я предупреждал, что одеться нужно попроще.

Мое заявление было поддержано тихим смешком Лехи, сменившего свой любимый полицейский мундир на старую форму гимназиста. На удивление она все еще была ему в пору. А фуражка благодаря ремешку могла неплохо противостоять ветру. Учитывая, что крыша катера была разобрана, это немаловажный нюанс. Боря вообще надел робу и имел такой же шлем, как у меня.

Наш рыжий еврей не был бы самим собой, если бы стал слишком долго заморачиваться столь пустячной проблемой. Он вообще в этой жизни напрягался, только когда чувство-

вал, что его хотят развести на деньги, – вот уж когда Дава становился серьезным, как дуло гаубицы, и дотошным буквально до тошноты.

Он весело ухмыльнулся, залихватски прокрутив цилиндр в руках, и вернул его на голову, а затем первым взошел на борт чуть покачивающегося на воде катера. Благодаря устойчивости катамарана мы разместились на сиденьях без малейших проблем. Я сел за руль-штурвал, Боря как бортмеханик разместился рядом, а наши гости вместе с корзинами оккупировали широкий пассажирский диванчик.

– Ну что, смертнички, попробуем, как эта штука бежит по воде?

Наконец-то! Я уже думал, что не смогу задеть его за живое.

Лицо Давы вытянулось, и он осторожно спросил:

– А ты что, раньше этой лодкой не рулил?

– Не-а, – лучезарно улыбнулся я, прищулив спрятанные под очками глаза.

В принципе, очки не так уж и нужны, потому что у катера имелось нормальное ветровое стекло, но так выглядело намного круче. Порой мне тяжело справиться с порывами молодого тела, а иногда и желания такого не было. Вот как сейчас.

Наполненный смесью воды и огненного реагента котел быстро набрал нужное давление, и, когда я дернул за рычаг, вся конструкция одновременно фыркнула паром и загудела

разгоняющимся пропеллером.

– Ты серьезно?! – завопил Дава, пытаясь перекрычать издаваемый лодкой шум.

Впрочем, шума она благодаря паровому коловратному двигателю производила не так уж много.

– Успокойся, все будет хорошо! – крикнул я и опять немного соврал.

Ну и откуда мне знать, как оно будет? Случиться может всякое, особенно на болотах, даже несмотря на добрый десяток часов, который я уже накатал на ходовых испытаниях лодки.

Еще одно движение рычага разогнало пропеллер достаточно, чтобы катер двинулся вперед. Набрав первоначальную скорость, я усилил тягу, и мы мощно полетели над водами Стылой.

Не, ну ведь реально круто!

На испытаниях я еще сдерживал себя, а сейчас на прямой ленте реки разошелся во всю мощь молодецких желаний. Правда, пришлось учитывать находящиеся на воде лодки, но их скорость была настолько незначительной, что это не являлось проблемой.

Если ближайшие к нам владельцы пристаней и их работники раньше видели кое-какие маневры катера, то дальние соседи сейчас стояли с открытыми ртами, созерцая несущегося над рекой демона, почему-то гудящего аки огромный шмель.

Неплохая получилась реклама, если, конечно, народ действительно не свяжет новинку с нечистой силой. Тогда уж святоши точно прикроют нашу лавочку.

Меня буквально распирало от восторга и желания пошалить, так что я попытался повилать, но тут же бросил эту затею. Нас, даже несмотря на катамаранную систему судна, начало неслабо мотать, и появилась угроза потерять кого-то из пассажиров, а нам этого не нужно. И так у бедолаг лица стали белее мела.

Снизив скорость, я добился устойчивого положения катера, когда он лишь мягко поднимался над подминаемыми волнами.

Очень удачно получилось – довольно простое управление, завидная скорость, да и цена не такая уж запредельная. Ша-тунам, у которых часто возникает необходимость убраться с Топи без промедления, подобная штука точно должна понравиться. А у самых везучих из них денег хватит и не на такие роскошества.

Нормальная скорость, свежий ветер и юношеский задор смыли страх у меня и у моих друзей. А затем на освободившемся месте поселился бурный восторг. Они начал орать и проситься за штурвал. В первом порыве я их поддержал, а вот со вторым пришлось обломать – сначала нудное и долгое обучение, а уж затем полный допуск к экстремальным развлечениям.

Поднявшись на десять километров вверх по реке, мы при-

близились к тому месту, где она вытекает из Стылой Топи. Бóльшая часть этого участка заросла тростником, и только с правой стороны имелся относительно глубокий рукав. Именно через него лодки шатунов выходили на озерную часть Топи.

У меня опять появилось желание побезобразничать, так что катер не стал сворачивать в сторону всем известной протоки, а так и пер на заросли тростника.

– Куда тебя несет?! – заорал Дава.

Интересно, откуда городскому мальчику из хорошей еврейской семьи известны особенности истока Стылой? Впрочем, ключевое слово тут «мальчик» – все дети Топинска очень любили слушать шатунские байки, девяносто процентов из которых были ужастиками. Там часто фигурировали маршруты шатунов, отсюда и осведомленность.

– Пойдем напролом! – с восторгом заорал я, добавив в голос изрядную долю сумасшедшинки.

Перед тем как катер с хрустом вломился в заросли, орали уже все пассажиры. Буквально через пару мгновений крики из панических перешли в восторженные – молодость, она такая переменчивая.

Проделав в невысоком тростнике просеку и вопреки моим опасениям не застряв там, катер вырвался на просторы Стылой Топи. Напрягать свою паранойю я не стал и далеко на болота забираться не собирался.

По собранной мной информации, на периферии Топи са-

мыми зрелищными были места, где росли сиреневые «венерки». Быстро отыскав взглядом выделяющееся вдалеке пятно нужного цвета, я повел катер в том направлении. Это было не только стремление насладиться местными красотами, но и еще одна проверка для нашего детища. В той стороне все пространство воды затянуло водорослями, и, чтобы пробраться к зарослям пользующихся спросом цветов, добытчикам приходится изрядно помучиться – здесь весла уже не помогали, в дело шли шесты. А вот аэрокатер, к моей радости, побежал по водорослям почти как по открытой воде.

Светло-сиреневые заросли приближались, и вскоре я увидел небольшую рощу... нет, не деревьев, а каких-то гипертрофированных цветов. Сначала катер начал пробираться между еле выглядывающими из воды росточками с одним или двумя бутонами. По отдельности ничем особым эти цветы не впечатляли – чем-то похожи на колокольчики. Но постепенно к центру зарослей количество цветов на более старых стеблях увеличивалось, и именно их соцветия давали очень интересные результаты. Когда прошли еще глубже, стало казаться, что кто-то разместил на высоких шестах целую выставку грамотно подобранных букетов, которые отличались друг от друга не только размерами, но и оттенками сиреневого.

В общем, красиво, особенно в таких масштабах. Выставленные в цветочном магазине нерукотворные букеты «венерок» меня особо не вдохновляли, но вот такие заросли все

же заставляли смотреть на них с восхищением, как на некое чудо природы.

Выведя катер в небольшую заводь посреди зарослей, я перекрыл подачу пара в коловратный двигатель. Боря тут же с другого борта сбросил якорь.

После этого мы практически синхронно разблокировали передние кресла и повернули их на сто восемьдесят градусов. Затем, подняв дополнительные бортики, организовали стол. В итоге получился вполне удобный салон для отдыха компанией на пять человек, так что нам четверым было еще и просторно.

В восемь рук мы начали сервировать походный стол привезенными с собой вкусностями. В процессе я исподтишка наблюдал за своими друзьями.

Да, именно друзьями – иначе и не скажешь.

Худой и невысокий бывший железнодорожный инженер Боря Хват за последнее время растерял часть своей рассеянности и робости. Он даже понемногу научился распекать подчиненных в наших мастерских, но делал это без крика и ругани – вежливо и при этом достаточно жестко. А вот кто совсем не изменился с момента нашего знакомства – так это Давид Аронович Бронштейн, он же Дава – рыжий здоровяк, национальность которого выдавал лишь солидный шнобель.

Третьим моим другом, точнее самым первым, кто стал оным в этом мире, был Леха – Алексей Карлович Вельц. Этот тоже на немца походил слабо – невысокий, стройный и тем-

новолосый. Сейчас Леха, как и я, лишь автоматически занимался сервировкой, глаза на окружающие красоты. Даже догадываюсь, что именно он высматривает.

– Леша, цветочки будем собирать на обратном пути.

Леха густо покраснел, чем вызвал необидный смех нашей компании.

Впрочем, лично мне было не очень-то смешно. Та, для кого он собрался рвать цветы, успела изрядно попить моей кровушки и испортить нервов. Нынешняя почти официальная невеста Лехи некогда вбила себе в голову, что влюблена в меня, и явно не собиралась стесняться в средствах достижения своей цели.

Да эта пигалица едва не довела нас с Лехой до дуэли!

Сейчас дочь уездного судьи вроде немного успокоилась. Впрочем, перед скандалом на балу я тоже так думал. Ладно, не будем забивать себе голову еще и тараканами Лизоньки. А начнем праздновать, потому что на то имеется солидный повод.

– Итак, господа хорошие, – сказал я, подождав, пока Дава откупорит бутылку и нальет мне в бокал пенистого напитка, – собрались мы здесь не только по поводу испытаний характера и для питья шампанского, но и чтобы отметить знаменательное событие.

– Ты надумал жениться? – ехидно спросил Дава, хотя этот рыжий скот был единственным, кроме меня, кто знал причину празднества, потому что сам же и оформлял бумаги.

– Боюсь, что тебе придется сделать это раньше.

Дава моментально растерял все ехидство:

– Ты что-то знаешь? С тобой говорил мой отец? – зачастил наш юрист, причем так взволнованно, что пришлось его успокаивать:

– Не трясись, никто со мной не говорил. Просто я жениться не собираюсь в принципе, а вот тебе рано или поздно придется.

– Надеюсь, это случится как можно позже, – проворчал Дава, откидываясь на спинку сиденья.

– Так вот, – продолжил я прерванную речь, – у нас знаменательное событие. Раньше мы были просто дружной командой, но среди нас имелось, так сказать, слабое звено.

– Куда уж нам, простым смертным, до вас, магнатов, – с показным недовольством проворчал Леха.

Хотя доля искренности в его голосе присутствовала.

– Ну, теперь-то у тебя не будет повода для ворчания, – улыбнулся я хмурому другу, доставая из планшета документ. – Со вчерашнего дня ты являешься акционером компании «Механикусы».

Оформляя разрешение на деятельность нашего предприятия, я в шутку решил использовать прозвище, которым нас наделила народная молва.

– Да ладно! – опешил Леха, вцепляясь в бумажку, которая подтверждала его владение тремя процентами акций предприятия. – Мне же вроде не за что.

– Вот только не надо приbedняться, – вполне искренне возразил я другу.

Так уж случилось, что, когда я пытался объяснить Боре, как должен выглядеть мой новый паромобиль, инженер изобразил на листе довольно примитивный и угловатый чертеж. Моя совесть и осознание собственной бездарности не позволяли вообще браться за карандаш для рисования. Но тут нам на помощь пришел явившийся в гости и мающийся от скуки Леха. Он за пару минут изобразил именно то, что я пытался передать на словах, да еще и приплел что-то от себя. Получилось даже лучше, чем в моих фантазиях.

Мы начали шпынять парня, и он, краснея, сознался, что обучался рисованию у настоящего художника. Не то чтобы наш друг имел к этому тягу и великий талант, но тогда выбор у Лехи был небогатым – еще его маменька пыталась запихнуть свое любимое чадо на балетные курсы и уроки игры на скрипке. Так что выбор был очевиден.

В итоге именно Леха стал содизайнером всех трех машин, которые за полгода выпустила наша мастерская. Конечно, основную часть дизайнерских идей я тупо копировал из воспоминаний о родной реальности, но без помощи художника было бы намного сложнее, особенно на этапе переговоров с заказчиками.

Предусмотрительно купленный формовочный пресс позволял воплощать в металле почти все наши фантазии. Конечно, до уровня автозавода, даже по местным неприяти-

тельным меркам, мы вряд ли дорастем, поэтому постараемся взять качеством и оригинальностью.

В общем, свою долю Леха заслужил на все сто процентов.

– А у меня не будет с этим проблем на службе? – после приступа радости все же обеспокоился юридической частью дела помощник следователя Топинской полицейской управы.

– Ну у меня-то их нет, – поспешил я успокоить друга.

– Ха, ты же у генерал-губернатора в любимчиках ходишь. Да и мало ли что вам, новгородцам, позволено...

– Ничего нам такого не позволено, – парировал я.

Действительно, несмотря на особый статус Новгорода в составе империи, отдельных преференций у выходцев из торгово-магической республики не было.

– Плату из других рук, кроме государевых, вы принимать не можете, потому что это будет взяткой, – тут же всунул свои пять копеек Дава. – А вот обоснованное владение акциями и другой собственностью никто не запрещает, особенно если они получены законным путем. Так что пей свое шампанское и говори нам «спасибо».

– Спасибо, друзья!

Блин, да он же сейчас прослезится.

Не то чтобы парню не хватало денег, но Леха действительно немножко завидовал нашему деловому партнерству.

– Не за что благодарить. Еще раз говорю: ты заслужил каждый процент.

– Ну не каждый, – фыркнул Дава. – Игнат хотел дать тебе пять процентов, но я не позволил. За пять я ему найду профессиональную художницу вот с таким талантом.

Наш юрист тут же изобразил руками величину таланта, размера эдак пятого.

– Даже не сомневаюсь, – совершенно не обидевшись, рассмеялся Леха. – Ты за бабу не то что друга – родину продашь, а если у нее в корсаже припрятана хотя бы пара сотен рублей, то, боюсь, и души не пожалеешь. Причем чужой.

– Ну только не надо делать из меня монстра, я просто умею считать деньги, – наигранно возмутился наш юрист.

– Ладно, хватит корчить из себя скупого монстра. Главное, что теперь мы не только друзья, но и партнеры. За что и предлагаю выпить.

Ну, мы и выпили, а также закусили, да и вообще вели себя как любая молодежь на пикнике.

Если честно, я всегда считал, что с друзьями нельзя вести финансовые дела – деньги между товарищами ни к чему хорошему привести не могут по определению. Но, оказавшись здесь, я поменял свое мнение. Дело не в деньгах, а в общем деле, за которое все болеют душой. Да, и еще один маленький, но очень важный нюанс: не нужно жадничать. Если твои партнеры понимают, что получают чуточку больше, чем заслуживают, то это пойдет отношениям между нами только на пользу. Главное – не пропустить момент, когда у деловых партнеров начнут разбухать амбиции, но в нашем случае это

произойдет очень не скоро. Для Лехи – потомственного служаки – наш общий бизнес лишь развлечение, Боря по натуре скромен и застенчив, а у Давы амбиции были гипертрофированными уже с рождения, и он давно научился их контролировать.

– ...Ты не понимаешь, – размахивая перед носом Лехи куриной ножкой, вещал Боря, которому два бокала шампанского уже взъерошили мозг. Слабенький он у нас до этого дела. – Основные проблемы в еро... иро... Игнат, как там?

– Аэродинамика.

– В аэродинамике, – после моей подсказки уже без запинки повторил Боря. – Она же должна плыть, а не летать. Да если бы хоть летала, так нет ведь, все норовит прыгать. Вот ты хотел бы управлять прыгающей лодкой?

Ответить Леха не успел, потому что его возмущенно перебил подвыпивший собеседник:

– А ну отдай, это мое!

Борю я слушал вполуха, в это же время обсуждая с Давой скандал с одним из постояльцев Белых Дач, но, услышав вопль друга, перевел взгляд на него. В следующий момент я вскочил как ошпаренный. Через правый борт, оттуда, куда последние полчаса Леха с Борей бросали объедки, переползло толстое щупальце с присосками. Оно и вцепилось сначала в куриную ножку, а затем вообще в руку Бори. Наш инженер тут же сменил возмущенный крик на почти девичье визжание. Только благодаря оперативно вцепившемуся в него по-

мощнику следователя парня еще не утащило в воду. Мало того, другие щупальца тоже заползали на наш катер, и через пару секунд все могло закончиться плохо.

Все это я отмечал краем сознания, а руки привычно делали свое дело. После близкого знакомства с упырицами и одной до жути «милой» стригой без оружия я не хожу даже в бордель. Увы, малокалиберным «кобальтом» из наплечной кобуры делу не поможешь, так что пришлось тратить драгоценные секунды и нагибаться к принесенной с собой сумке.

Разогнулся я уже с двуствольным обрезом. Парни начали впадать в панику, а на меня снизошло совершеннейшее спокойствие – оружие в руках, враг в поле зрения, так чего дергаться?

Первый выстрел картечи ушел за кромку борта, перерубив вцепившееся в Борю щупальце. К этому моменту Леха сумел затащить инженера под стол, пытаясь отодрать от его одежды мерзкие присоски. Второй выстрел также ушел за правый борт, в появившийся из-под воды скользкий горб. Из него тут же брызнули синеватые ошметки.

Так, теперь разворот и рывок за рычаг накачки смеси воды и реагента. И то и другое находилось в баках под небольшим давлением и моментально заполнило котел. Началась быстрая реакция, но, увы, не мгновенная. Поэтому я вернулся к сумке, выхватывая из кармана два новых патрона.

– Все на пол! – крикнул я, перезаряжая двустволку.

Парни, хорошо зная мою репутацию истребителя всякой

нечисти, без возражений дружно полезли под столик к Боре, который все еще боролся с травматически ампутированным куском чужой плоти. Осталось лишь надеяться, что эта тварь не ядовита.

Еще двумя порциями картечи я серьезно повредил несколько бьющих воздух как плетью щупалец и наконец-то услышал характерное пыхтение предохранительного клапана. Рывок за пусковой рычаг заставил загудеть лопасти пропеллера. У меня были опасения насчет мощности, но ее хватило с лихвой, чтобы перемолоть те щупальца, которые полезли сквозь защитный каркас.

Пропеллер зачавкал, разбрасывая вокруг куски мяса и си-неватую жидкость.

Сразу врубив форсаж, я заставил катер двинуться вперед, но как-то неуверенно.

Черт, якорь!

После того как стопор сброса якоря оставил болоту неожиданный подарок, катер лихо рванул вперед. Странная тварь еще с десятков секунд цеплялась за корпус нашего суденышка, но затем отвалилась.

Мне кажется или среди цветочных зарослей вздыбилась спокойная поверхность болота, формируясь в прозрачную девичью фигурку? Не уверен, но похоже, что это моя старая знакомая русалка. Любить меня ей не за что – особенно после пережитого контакта с серебряной дробью и подводной мини-бомбой. С другой стороны, ей-то как раз грех жало-

ваться: в тот день ее сосед-леший вообще был развеян и прекратил свое существование.

Увы, благодарность свободному энергенту явно не свойственна. Впрочем, я на ее месте тоже затаил бы злобу. Мне еще повезло познакомиться с бестелесной русалкой, а ведь есть более опасный подвид – симбиоз энергента и мертвого тела, избравший воду как среду своей нежизни. Свободные энергенты не могли напрямую влиять на защищенного собственным биополем человека, а вот подвести к нам неведомого монстра у нее силы хватит.

Почему неведомого? Потому что я не раз лично опрашивал и шатунов, и изучающего тварей Топи доктора Вяльпе. Так вот все они едва ли не хором заявляли, что в этой части болот нет ничего опаснее больших пиявок и мелких щучек, которые живут стаями и имеют повадки пираний. Кстати, нужно не только высказать свое «фэ» Яну Нигульсовичу, но и срочно показать ему Борю, который уже отодрал от себя щупальце и явно собрался выкинуть его за борт.

– Боря, оставь эту дрянь. Пусть доктор ее посмотрит: вдруг там какой-то яд.

Инженер брезгливо отбросил под переднее сиденье уже не шевелившееся щупальце и перебрался на диванчик, к смирно сидевшим там друзьям. Вместе они смотрелись как выуженные из воды котята – перепуганные и взъерошенные. Да еще и забрызганные синеватой гадостью.

Эта картина заставила меня улыбнуться, и улыбка нако-

нец-то распустила тугой узел напряжения. Сдвинув рычаг форсажа, я снизил скорость катера.

– Что ты делаешь?! – тут же отреагировал Дава.

– Нужно повернуть кресло, так вести неудобно.

– А-а-а, – протянул он и начал осматриваться по сторонам. – Мой цилиндр!

– Хочешь вернуться? – с нервным смехом спросил я.

– Я что, похож на блаженного? – спросил Дава, на лицо которого начали возвращаться нормальные краски.

Его голос тоже подрагивал от нервного смеха. Ну а затем мы громко заржали, истерично, зато дружно.

Развернув кресло, я удобнее устроился за рулем и вновь разогнал катер до максимума.

Вот и съездили на пикничок! Ирония ситуации состояла в том, что этой поездкой я пытался перебороть иррациональный страх перед Топью, но, похоже, лишь усугубил его.

Ну не везет мне в сих колдовских краях – вечно случается какая-то гадость на грани фола. Да и ладно. У меня хватает дел и в более обжитых местах.

Глава 2

Наше появление у причала сразу подняло суматоху на берегу. Еще больше беспокойства Ярославу Андреевичу с подчиненными я добавил своим приказом достать нами чистые робы и собрать запачканную одежду в брезентовые мешки. Не забыл также наложить запрет на подход к катеру. Отрубленное щупальце я упаковывал собственноручно под замороженными взглядами окружающих.

В паромобиль мы загрузились все тем же составом и, пронесшись пожарной командой через весь город, дружно завалялись в городскую больницу.

Наше появление наполнило суетой и шумом до этого тихий и стерильный как в гигиеническом, так и в эмоциональном плане кабинет доктора Вяльпе.

– Вот, – заявил я и вывалил содержимое торбы на железный стол для инструментов.

Имелось, конечно, желание шмякнуть эту мерзость прямо поверх рабочих бумаг, но мое негодование было не настолько сильным.

– Что это? – на удивление спокойно и даже заинтересованно спросил доктор, не став реагировать на наше бесцеремонное появление.

– Это вы мне скажите, уважаемый доктор, – кто уверял меня, что рядом с устьем Стылой нет ничего, как вы выра-

зились, интереснее пиявок?

– Ну, об этом говорят мои исследования, – с усилившимся от волнения эстонским акцентом сказал доктор, разглядывая щупальце.

– Ладно, – сдущся я, поняв, что спорить тут бессмысленно. – Важнее другое – стоит ли нам ждать проблем от контакта с этим монстром? Вдруг он ядовитый.

– Вас покусали? – встрепенулся доктор, посмотрев на нашу четверку как-то по-новому.

– Нет, просто забрызгало кровью чудовища. Только вон Бориса Олеговича схватило это самое щупальце.

– Позвольте, – обратился доктор к Боре и начал быстро проводить первичный осмотр. Особенно внимательно он исследовал руку, в которую вцепилось щупальце.

Закончив, доктор лишь пожал плечами:

– Не вижу ни малейших признаков отравления. Пара синяков и легкая дезориентация, но, судя по запаху, вы выпивали.

– Чутьочку, – почему-то покраснел Боря.

– Скорее всего, это последствия опьянения, но вы все же завтра с утра загляните ко мне. Дополнительно я исследую предоставленный биоматериал и поставлю вас всех в известность, если найду что-то опасное.

Парни хором облегченно выдохнули, и на их лицах тут же отразилось жгучее желание сбежать из больницы как можно дальше. И я их прекрасно понимал.

– Простите нас за бесцеремонное вторжение, – за всех извинился я, – мы, наверное, пойдем.

– Да-да, – отмахнулся доктор, внимательно осматривая лежавшее на столе щупальце, но тут же встрепнулся: – Игнат Дормидонтович, не могли бы вы немного задержаться?

– Конечно, – ответил я, не испытывая ни малейшего желания.

– Мы будем в «Старом охотнике», – шепнул Дава и ободоряюще хлопнул ладонью меня по плечу.

– Присаживайтесь, Игнат Дормидонтович, – дождавшись ухода моих друзей, предложил доктор. – Хотите чаю с бутербродами? У Ванды они диво как хорошо получаются.

Я, сглотнув собравшийся у горла ком, демонстративно покосился на щупальце.

– Не думал, что после всех пережитых приключений вы сумеете сохранить брезгливость, – удивился доктор моей чувствительности.

– Ян Нигульсович, – с показным возмущением воскликнул я, – и чем же таким, по вашему мнению, мне пришлось заниматься? Не по помойкам же я шастал.

– Ну, крови за вами было много, и не только живой.

Мне даже стало интересно, что именно о моих приключениях слышал главный топинский доктор. Правду я ему точно не расскажу, да и прав на то не имею. Впрочем, мои истории из прошлого его не интересовали, а послушать он хотел о настоящем:

– Расскажите, как выглядел бывший хозяин сего щупальца.

– Вы думаете, я его там особо рассматривал? – проворчал я, но все же принялся рассказывать.

Выслушав меня, доктор задумчиво обхватил свою куцую бородку.

– Скорее всего, это изменившийся под воздействием энергетических эманаций октопус.

Это слово мне было знакомо.

– Осьминог?! Вы серьезно? В Сибири, да еще в пресном водоеме?

Насколько я слышал, в пресной воде эти существа точно не живут.

– Игнат Дормидонтович, – по-доброму улыбнулся доктор, – вы уже год пребываете в Топинске и еще чему-то удивляетесь? Скорее всего, это не, так сказать, октопус вульгарис, а нечто другое, но все равно огромное вам спасибо за подарок. Он станет жемчужиной моей диссертации о живом мире Стилой Топи!

После этого заявления доктор задвинул речь на полчаса о своей научной работе. Не скажу, что было так уж скучно, – я узнал много нового, но из всего сказанного сделал лишь один жизненно важный вывод. Ну ее на фиг, эту Топь с ее уникальностью! Если появился чисто морской моллюск, то всплыть там может все что угодно – от какого-нибудь динозавра до инопланетянина. Так что за околицу Топинска в

сторону болот я больше не ходок.

После беседы с доктором я заскочил к себе в бывшую пожарную каланчу и был встречен своей личной нечистью, которая, в отличие от болотной, приносила одну лишь пользу.

– Командир, вы целы? – обеспокоенно поинтересовался здоровенный казак, который мог становиться еще крупнее, когда принимал форму волколака. – Звонили из мастерской, говорят, на вас напала какая-то жуткая тварь из болота. Нужно было взять меня с собой.

Вот такая у меня заботливая нянька живет под боком.

Кроме оборотня в каланче обитал находящийся на психиатрической реабилитации домовый и оставшийся без хозяина кот по имени Леонард Силыч, с которым тоже все ой как непросто. Немного сглаживал ситуацию тот факт, что кроме меня в доме жили еще два вполне нормальных человека – одноногий ветеран, оружейник и вообще мастер на все руки Корней Васильевич, а также мой воспитанник – шустрый и сообразительный паренек по прозвищу Чиж, он же Осипка.

Два эти персонажа тоже появились в гостиной, и их явно интересовал ответ на уже высказанный казаком вопрос.

На душе даже как-то потеплело.

– Ну и что бы ты там делал? Загрыз бы кракена?

– Кракена? – удивился Евсей.

– Ну, такая огромная тварь со щупальцами.

– А что такое щупальца? – Это спросил уже Чиж, но, судя по лицам Евсея и нашего оружейника, интересно было всем.

– Это...

Ну и как втолковать жителям Сибири, что такое щупальца, и при этом не сбиться на похабщину?

– ...Потом объясню. Чиж, приготовь мне выходной костюм и чистое белье. Я пока в душ. Да, еще позвони в мастерскую и скажи, что они могут отмыть катер. Яда там нет.

Оставив людей в еще большем недоумении, я ушел мыться, а Чиж убежал в кабинет звонить в мастерскую. За последние месяцы парень все же справился со своим страхом перед электрическим звенящим монстром, да и паромобиль водил довольно прилично. Правда, под неусыпным контролем старших. А вот Евсей наотрез отказывался учиться чему-то новому, мотивируя это тем, что неуместно казаку с чертовщиной якшаться.

Довольно странно слышать это от оборотня.

Приведя себя в порядок, я вернулся за руль паромобилia, рядом с кряхтеньем усаживался Корней Васильевич, который должен отвести машину домой. Возвращаться я собирался на пролетке. Правила дорожного движения и их блюстители господа гаишники здесь пока не появились, но совесть все равно не позволяла садиться за руль пьяным. А про то, что мы сегодня солидно зальем за воротник, – это к гадалке не ходи.

«Старый охотник» встретил меня привычным уютом, охотничьим антуражем и ненавязчивым сервисом.

В общем, нравится мне здесь. Кстати, как-то никогда не задумывался: а почему тут только чучела обычных зверей и нет ничего экзотического? Может, попросить доктора забальзамировать щупальце и подарить трофеем хозяину трактира? Не, вряд ли поймет и точно не оценит.

Эти странные мысли были намеком на то, что пережитый на болотах испуг растаял без следа. Ну как без следа – до момента, когда появится необходимость выйти за околицу Топинска.

Мои друзья, как и я, успели побывать дома и выглядели вполне пристойно, по крайней мере внешне. Они не стали меня дожидаться и уже порядком нажились. И это при том, что мои карманные часы показывали всего лишь пять пополудни. А вот Боря был подозрительно трезв, и, кажется, я догадываюсь почему – парень явно собрался сбрасывать стресс другим способом.

Половой подскочил ко мне в надежде, что я дополню заказ, но ломящийся от яств стол в улучшении явно не нуждался, так что угодливый парень был отправлен обратно.

– Вот возьму и куплю букет в магазине, а Лизоньке скажу, что сорвал его на болотах с риском для жизни, – пьяно вещал Леша Даве, который с откровенным ехидством смотрел на друга.

– Леша, дорогой ты мой человек, врать-то нехорошо.

– Это мне говоришь ты? – искренне возмутился Леха. – Сам-то давеча Марфуше рассказывал, что путешествовал по

Африке. По Африке! Ты же небось ни разу и слона-то живьем не видал.

– Можно подумать, ты видал, – теперь уже возмутился Дава.

– Видал, когда к дядюшке в Москву ездил.

Так, нужно срочно догонять парней, а то мне с ними будет неинтересно.

Увы, не успел. После того как я принял вторую рюмку беленькой и закусил тонко нарезанной осетриной, подозрительно трезвый Боря начал собираться:

– Господа, а не наведаться ли нам в «Русалку»? – с показной небрежностью предложил наш инженер.

Кто бы сомневался.

– Боря, да ладно тебе, хорошо же отдыхаем, – вздохнув, возразил Леха.

Тут все ясно – эти двое представляли у нас два диаметрально противоположных отношения к борделю «Русалка» в частности и к продажной любви в целом. С Лехой все ясно, он у нас почти жених и вообще пылко влюбленный. Да и Борины мотивы не были для меня секретом. Парень, как говорится, пустился во все тяжкие. Раньше робкий, закомплексованный и, что немаловажно, небогатый, инженер был сильно обделен женским вниманием. Но после нашего знакомства он не только поправил свое финансовое положение, но и оценил прелесть и простоту платной любви. Каюсь, тоже не без моей помощи. И тут, как говорится, Остапа понесло.

Хорошо хоть я взял «Русалку» под особый надзор в плане разных излишеств, как бы странно это ни звучало в отношении борделя. Теперь там не найти и грамма наркоты, да и пьяных клиентов обирать перестали. В общем, запуганная мною маман заведения уже предупреждена и присмотрит за тем, чтобы девушки сдерживали пыл нашего сексуального монстра, дабы он не навредил своему все еще растущему организму. Так что можно спокойно отпускать его в свободное плавание.

– На правах самого трезвого предлагаю поступить так, – вмешался я в спор. – Еще час сидим тут. Затем отвозим Алексея домой, а Борю в «Русалку». А конечной точкой нашего маршрута станут Белые Дачи. Дава, ты со мной или с Борисом?

– С тобой, – тут же согласился наш неправильный еврей, – устал я от простоты, хочется изысканных утех.

Ох, не слышит тебя уважаемый Арон Моисеевич – во всех смыслах ортодоксальный иудей и несчастный родитель беспутного сына. Одно успокаивало: как-то побывав в доме друга, я умудрился извернуться и хором с Ароном Моисеевичем, а также Цилей Марковной поохать над закидонами великовозрастного дитяти.

Скажете, лицемерно? Да, но мне для полного счастья не хватало только вражды с очень мощной еврейской диаспорой Топинска.

Впрочем, в этот день косых взглядов от родителей избе-

жать не удалось, и наградили меня ими Карл Бертольдович и Хельга Франсовна, увидев на пороге родной обители свое сокровище в столь неприглядном виде. Это они еще о наших болотных приключениях не знали.

Оставив Борю в «Русалке», мы с Давой отправились на пролетке за город к Белым Дачам.

Кикимору мне в тещи! Едва выехали за окраины Топинска, как в груди заворочалось беспокойство. Неужели действительно схлопотал фобию? Я мало что смыслю в психиатрии, но тенденция неприятная. Одно хорошо – когда мы подъехали к усиленной рунами ограде дач, я сумел справиться с беспокойством и даже настроиться на предстоящие приятности.

Курортный сезон уже подходил к концу, но жильцов на дачах хватало. Когда знакомые охранники пустили нас за ворота, пролетка двинулась по главной аллее, проезжая под целым облаком из цветов сакуры. Магически измененные деревья цвели восемь месяцев в году, но при этом не плодоносили. По сторонам от дорожки в тени деревьев виднелись небольшие и аккуратные домики, рядом с которыми сновали отдыхающие. В основном селились они семьями, так что хватало здесь и детишек. Впрочем, до бедлама пионерлагерей атмосфера дач не доходила.

Еще через минуту мы подъехали к центральному зданию курорта, которое было похоже на мини-дворец из сказок Андерсена. По бокам от здания разместились два пруда в окру-

жении ограды из кустов. Из-за зарослей слышался детский смех и плеск – последние водные развлечения малышни в этом сезоне. Через несколько дней целебное купание можно будет проводить только в небольших обогреваемых бассейнах.

Рассчитавшись с извозчиком, мы сошли на гравийную дорожку и направились во дворец, где жила самая настоящая баронесса, уделявшая мне значительно больше внимания, чем любому другому мужчине в этом городе. Так как ее муж давно покинул наш бренный мир, нравственных, да и репутационных, проблем у нас с этим не было.

Ольга Филипповна де Шодуар, эффектная темноволосая красавица с большими карими глазами, выглядевшая значительно моложе своих тридцати пяти лет, сейчас развлекала, так сказать, эксклюзивных гостей. Поэтому мы прямо с ходу попали на музыкальный вечер. Она вообще поклонница талантов и привечала местных, а также заезжих музыкантов и поэтов. Даже не знаю, что баронесса нашла во мне, потому что ни музыкантом, ни поэтом я не являлся. А вот в искусстве чтения анекдотов однозначно хорош, чем и довел Олю до хохота с похрюкиванием при нашей первой встрече. Но вряд ли только талантливый пересказ историй о поручике Ржевском покорило сердце светской львицы, пусть и всего лишь уездного разлива.

Мой визит не задался прямо с порога. Мы с Давой вошли в музыкальный салон посредине выступления одного из

гостей. Одетый дорого в кремовый фрак юноша заливался соловьем под аккомпанемент хозяйки, сидевшей за роялем. Это была чувственная и, по мне, слишком слезливая для мужского исполнения баллада о несчастной любви. Как водится, для влюбленных все закончилось предельно печально.

Ничего не могу с собой поделать, но на лицо непроизвольно напоззло выражение, во всех деталях отражающее мое отношение к произведению и исполнителю. Вот за эту самую несдержанность меня корректно попросили свалить с праздника во дворец родственника цинского императора перед выступлением местной звезды вокально-инструментального жанра. Как выразился граф Скоцци: «Боюсь, увидев ваше лицо, она сначала побьет во дворце всю посуду, а затем удавится в дальней комнате на струне собственного цисянь-циня».

Вот и этому певцу моя реакция не понравилась – юноша набычился и посмотрел на меня с вызовом.

– Князь, прошу вас, исполните еще что-нибудь. Порадуйте нас, – попросила баронесса после того, как мы раскланялись с хозяйкой и ее гостями.

Ударение на титуле певуна она сделала явно для меня.

Да хоть принц заморский, можно подумать, я не вижу, для кого он тут соловьем заливается!

И чего это я распереживался? Конечно, Оля – дама в высшей степени достойная, но, если честно, ревновать ее – дело не только неблагодарное, но и бессмысленное по определе-

нию.

Я попытался придать лицу более вежливое выражение, но слишком поздно. Петь князь отказался и, кажется, прямо сейчас обдумывал варианты действий, которые поспособствуют дуэли между нами.

Этот мир и общество, в котором я сейчас живу, мне очень нравятся, но, елки-моталки, какие же они здесь все нервные!

Оля быстро просчитала ситуацию и тут же начала действовать:

– Игнат Дормидонтович, помогите мне, пожалуйста.

– Конечно, Ольга Филипповна.

Встав из-за рояля, она ободряюще улыбнулась князю и подошла ко мне. После этого мы практически под ручку вышли из салона в холл.

– Игнат, мы можем с тобой увидеться позже?

– Это так вы указываете мне на дверь? – в ответ ляпнул я.

Да что это со мной?! Останься Игнаша самим собой – он, конечно, встал бы на дыбы и начал доказывать, кто тут настоящий альфа-самец, но мне, с багажом прожитой жизни, все эти потуги кажутся не просто смешными, а глупыми и бессмысленными.

Быстро успокоившись, я попытался исправить ситуацию:

– Прости, сам не знаю, что на меня нашло.

Поджавшая губы после первой фразы Оля тут же смягчилась и осторожно погладила меня по щеке:

– Не нашло, а просто еще не прошло. Это называется

юность, мой милый друг.

Ну да, только меня это не оправдывает, особенно учитывая опыт живущей в юном теле души. Оля же в очередной раз доказала, что она не только красавица, но и умница.

– Как думаешь, Давид может остаться? – спросил я, посмотрев на друга, нырнувшего в разношерстную компанию так же беззаботно, как тюлень в море.

Кажется, он даже успел наметить себе рыбешку повкуснее в стайке присутствующих здесь дам.

– Конечно, – улыбнулась Оля, – я присмотрю за ним.

– Хорошо, приятного вечера, баронесса, – учтиво поклонившись, поцеловал я протянутую руку.

– Приятного вечера, мой друг. Потап отвезет тебя в город.

Ну и что мне теперь делать? Ехать в «Русалку» к Глаше после всего этого не хотелось, да и устал я что-то от общества импульсивной молодежи, включая самого себя. А не поехать ли мне в место, где отдыхают люди посерьезнее? В пятничный вечер там как раз собирается солидное общество.

Дождавшись, пока Потап, заросший по самые брови вечно растрепанной бородой, запряжет лошадь, я уселся в легкую коляску и спросил:

– Знаешь, где в городе находится сигарный клуб?

– А кто же не знает, барин! Известное нам это место. Мигом домчим. А ну пошла, кляча старая! – Это он обратился уже к своей лошади, которая клячей совсем не выглядела.

Безосновательно оскорбленная кобылка резво довезла нас

до центральной части города и остановилась перед приземистым каменным зданием, которое своим фасадом смотрело прямо в «спину» городской ратуши. Разделявшая эти здания улица была тихой и малопосещаемой, что лишь добавляло степенности этому месту, а помпезность ему придавало не местоположение и экстерьер, а начинка. В смысле члены клуба.

Разодетый в лучших английских традициях лакей придерживал дверь и степенно принял у меня котелок с тростью.

– Милости просим, Игнат Дормидонтович.

Не скажу, что я являюсь завсегдатаем клуба, но таким людям по должности положено запоминать лица с первого раза. Да и вообще, несмотря на то что живу я в Топинске чуть меньше года, мало какая собака не знает главного, потому что единственного, видока в городе.

Кивнув в ответ на приветствие, я вошел в основной зал клуба. Тяжелые портьеры, ореховые панели на стенах, массивная мебель и монументальные подсвечники. При том что и электрическое, и магическое освещение применялись в Топинске повсеместно, здесь предпочитали именно такой вид освещения, создававший особую атмосферу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.